

ИНГВИ АКИСОН

АРХИВАРИУС

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А39

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

Аксисон, Ингви.
А39 Архивариус / Ингви Акисон. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-112189-1

XXII

В начале века благодаря достижениям науки люди обрели бессмертие. Став вечно молодыми, они задумались над тем, как вернуть к жизни всех своих предков — за всё время существования человечества. И был найден способ физического воскрешения...

XXIX

Ингви работает в полиции, у которой уже многие десятилетия не было дел серьезнее, чем смерть от несчастного случая. Но когда обнаруживается тело со следами насильственной смерти, становится понятно: не для всех синтезированный рай является пределом мечтаний. Чьи-то личные счеты? Мечь? Заговор?.. Ингви принимает решение самостоятельно расследовать дело, когда появляется призрачная надежда открыть тайну далекого прошлого: ведь за все время, проведенное на планете Ремотус, он так и не смог узнать, кто убил его в прошлой жизни.

Но готов ли он узнать правду?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пролог

15 сентября 1017 года в Иерусалиме и на всей Святой земле впервые после долгих месяцев изнурительного летнего зноя выдался облачный день.

Паломник, сидящий на берегу реки Иордан, уже не раз поблагодарил Небеса за эти густые облака, неторопливо проплывающие над его головой. Светлые волосы и голубые глаза сразу выдавали в нем человека, проделавшего сюда путь с далекого Севера. И ничто — ни болезни, ни скудная и непривычная еда, ни все прочие испытания, неизбежно выпадающие на долю путешественников, — ничто не доставляло ему такого мучения последние недели, как здешнее безжалостное солнце.

Вчера, в праздник Воздвижения Креста Господня, он поклонился в Иерусалиме Святому Гробу, а ближе к вечеру, когда жара начала понемногу спадать, вместе с девятью другими паломниками отправился совершить омовение в том месте Иордана, где, по преданию, был крещен Христос. Заночевав на полпути под открытым небом, на рассвете богомольцы продолжили свое путешествие и уже к полудню омылись в священных водах.

Сейчас же, когда все ушли осматривать пещеры Иоанна Крестителя и Илии Пророка, расположенные неподалеку, он остался дожидаться их тут... Виною тому было увечье, полученное им около года назад во время битвы на другом конце света. Правая нога его была ампутирована чуть выше колена. Путешествовал бывший воин верхом (осел был куплен в первый же день, как корабль причалил к Святой земле, и сейчас, привязанный неподалеку, сонно жевал траву), а лазать на костылях по пещерам было бы уже полным безрассудством.

На короткий миг выглянуло солнце и вновь скрылось за облаками. Паломник заметил, что в воде прямо перед ним что-то сверкнуло. Рядом росло ветвистое дерево, склонившееся сразу несколькими стволами к реке, и метрах в двух от берега что-то зацепилось между его ветвей и едва виднелось на поверхности.

Вооружившись одним из своих деревянных костылей — при всей его прочности не слишком массивным и не очень тяжелым, — он вытянул что есть сил руку и попробовал подцепить концом костыля неизвестный предмет. Но тот тут же ушел на дно. Тогда, и не подумав так легко сдаваться, он разделся, зашел в мутную воду Иордана и, держась за распростершийся почти параллельно поверхности реки ствол дерева, доковылял до нужного места. Вода там доставала всего лишь до пояса, поэтому обшарить дно не составило большого труда.

Паломник извлек на поверхность увесистое распятие; один из концов креста, возле правой ладони Спасителя, был отколот.

И только он принялся отчищать находку от ила, чтобы посмотреть, не драгоценный ли это, случаем, металл (впрочем, какой безумец швырнул бы в воду столько серебра или золота?), как внезапная невыносимая боль пронзила всё его существо... Из шеи паломника торчала стрела.

Рука разжалась сама собой, и распятие снова исчезло в воде. Перед глазами всё поплыло, однако он заставил себя развернуться всем телом и увидел, как кто-то убегает прочь. Убегавший — видно было только спину — держал в руке лук.

Истекая кровью, паломник каким-то чудом сумел достичь берега.

Он умер, едва выбравшись из воды.

Глава 1

Омерзительно плакающий звук будит меня.

— Выключись, — хриплю я спросонья.

Не реагирует.

Ах да... Смутно что-то припоминая, я тяну руку к будильнику, но неловко задеваю его в темноте и опрокидываю на пол. Назойливый сигнал продолжает досаждать мне оттуда.

— Да чтоб тебя!

Еще толком не проснувшись, я еле-еле дотягиваюсь кончиками пальцев до откатившегося от кровати электронного будильника и, нащупав нужную кнопку, наконец выключаю его.

Впрочем, отреагируй он на мою голосовую команду — я бы сейчас, как обычно, смотрел сны дальше, повернувшись на другой бок. А в данный момент я уже сижу на краю кровати и засовываю ноги в тапки. Просто невероятно! Идея с доисторическим будильником, отключающимся вручную, была поистине гениальной.

Кромешную тьму нарушает лишь зеленоватое свечение цифр 07:03, исходящее от притихшей у меня в руках допотопной электроники.

— Убрать затемнение, — командую я.

В комнату через окно, на какой-то миг ослепляя меня, врывается яркое солнце.

Всё верно. Из прогнозов еще полгода назад следовало, что в Москве сегодня, 10 июля, будет безоблачно и днем до плюс тридцати. Здешние предсказатели погоды не ошибаются.

— Разрешить прием гостя? — доносится до моих ушей немного неестественный голос, едва я успеваю встать и поставить раритетный будильник на место.

Говорил серебристый шкаф, возвышающийся до самого потолка в противоположном углу комнаты. Над его дверцей черными выпуклыми буквами сделана надпись, которую можно хорошо различить даже отсюда: «АТОМНЫЙ СИНТЕЗАТОР». Ниже указана серия и номер модели.

Я снова бросаю взгляд на часы. Что еще за гости в такое время?

Накинув халат и наскоро завязав на нем пояс, я с опаской подхожу к синтезатору. Но после беглого взгляда на дисплей, несколько озадаченный, киваю:

— Разрешаю.

Через мгновение из дверцы выходит она.

— С днем рождения, милый! — Мирослава обвиняет меня и целует в губы.

Ее густо подведенные глаза, хлопая огромными ресницами, смотрят на меня в упор. Пухленькие губки с перламутровой помадой расплываются в улыбке. Какая-то прядь, выбившаяся из копны каштановых начесанных волос, щекочет мне нос.

— Спасибо, дорогая, — отвечаю я. — Но зачем же было тратить деньги на андроида? Ведь ты могла поздравить меня сегодня вечером, когда вернешься из Рима.

Иллюзия, что передо мной стоит Мирослава, просто потрясающая.

Умом я, конечно же, понимаю, что Мирослава на самом деле сидит сейчас — или, может быть, даже лежит? — в тысячах километров от Москвы, надев на голову нейрошлем, в то время как меня обнимает неотличимый от нее внешне робот-андроид, синтезированный из атомов в этом самом шкафу буквально минуту назад и теперь дистанционно передающий в ее шлем (и далее прямо ей в мозг) всё, что он здесь видит, слышит, осязает, обоняет и воспринимает на вкус, — а в ответ получающий от ее мозга сигналы к действию.

Но хоть умом я и понимаю всё это, мои чувства как будто отказываются верить...

— Нельзя так заикливаться на деньгах, Ингви, — обращается она ко мне по имени. Вместо привычного «милый» или чего-нибудь в этом роде. (Ясно, обиделась.) — Просто я вдруг подумала, что тебе будет тоскливо проснуться в свой день рождения одному. И потом, у тебя сегодня юбилей.

Ну, двадцать пять лет я бы юбилеем не назвал...

А кстати, сколько из них я уже провел здесь? Среди всего этого технократического безумия.

Уже почти два года, как я являюсь полноправным гражданином Федерации Ремотус, а такого

статуса оказавшиеся здесь удостаиваются ровно после года испытательного срока.

Неужели с того дня, как Судьба забросила меня в Москву, пролетели без малого три года?

— Я люблю тебя, — примирительно говорю я, покрывая поцелуями шею Мирославы, одновременно расстегивая пуговицы на ее блузке.

Мирослава одним ловким движением развязывает пояс на моем халате и сбрасывает его с плеч...

Когда я снова смотрю на часы, они показывают уже 07:30.

— Мне пора, любимый. — Мирослава встает с постели и направляется к шкафу-синтезатору, собирая свою разбросанную по полу одежду. — В Институте третьи сутки подряд работаем как проклятые! Я даже не успела выбрать тебе подарок, прости. — Открыв дверцу, она заходит внутрь. Одной рукой сжимает скомканную одежду, а другой посылает мне воздушный поцелуй. — До вечера! Если не успею к десяти, начинайте праздновать без меня, ладно?

Дверца серебристого шкафа бесшумно закрывается. Еще пара мгновений — и андроид Мирославы, судя по загоревшейся снаружи лампочке, благополучно разложен обратно на атомы. Вместе со всеми его шмотками.

Кстати, а они-то на кой были нужны?!

Когда я захожу в ванную, мои губы сами собой принимаются насвистывать какую-то грустную, но необычайно красивую мелодию. Где же я ее

слышал? Ее исполнял, кажется, женский голос. Такой высокий и чуть резковатый.

Покончив с душем — но так и не вспомнив ни слов, ни названия песни, — еще из прихожей я громко кричу:

— Покажи каталог завтрака!

Подойдя к атомному синтезатору, которому была адресована команда, поднимаю и накидываю на плечи провалявшийся всё это время на полу халат.

— Нет, не надо, — передумываю я. — Убери каталог. Любая яичница и любой кофе.

«СТОИМОСТЬ: 4 РЕМО».

Сообщение загорается под описанием заказа, который синтезатор сделал за меня сам методом случайной выборки из сотен — или даже тысяч? — вариантов яичниц и кофе, содержащихся в его каталоге. Начинает настойчиво мигать оранжевый диск справа, и дисплей, как обычно, поясняет: «ОПЛАТИТЬ».

Я прикасаюсь к диску правой рукой.

«ПОДТВЕРДИТЬ ОПЛАТУ».

После повторного прикосновения дверца синтезатора любезно открывается — и я забираю оттуда яичницу-глазунью по-румынски и латте макиато. По крайней мере так следует из описания на дисплее. А не верить ему у меня вообще-то нет никаких оснований.

«Не закливайся на деньгах, Ингви». Кажется, так она сказала...

А кто закливается?! Если бы я действительно закливался, то неужели только что выкинул

бы половину ремо — или что-то около того — на этот поднос, эту тарелку, на этот бокал, нож, вилку и даже на ложку с соломинкой для кофе?

Черта с два!

Хорошенько покопавшись в настройках, я бы непременно заставил синтезатор засунуть еду и напиток во что-нибудь, что сам бы предварительно туда поставил!

Согласен — половина ремо не стоит такой возни...

Но потратиться на андроид — совсем другое дело. Это же шестьдесят ремо! Немыслимый удар по нашему с Мирославой семейному бюджету! Даже на службе, согласно инструкциям, я могу без специального разрешения воспользоваться только двумя андроидами в течение одной смены. При реальной на то необходимости. Например, если происходит ограбление и мое моментальное появление там через уличный синтезатор, расположенный где-нибудь неподалеку, упростит дальнейшую работу и нам, и суду. Но для использования третьего андроида за день, что бы там ни происходило, — хоть групповое изнасилование, — инструкции требуют связаться с шефом, обосновать необходимость и получить его формальную санкцию.

Государство, в отличие от Мирославы, умеет заботиться о своем бюджете.

— Первый новостной канал, — произношу я, ставя поднос с завтраком на круглый столик возле окна.

Точнее, возле абсолютно прозрачной внешней стены. Кажется, что стоит сделать шаг — и я полечу камнем в бездну с нашего сто сорокового этажа. К счастью, проектировщики не забыли предусмотреть в этом удивительном материале еще одно свойство. Те, кто глядит сейчас в мою сторону, завтракая в точно таком же небоскребе напротив, видят перед собой лишь отражение неба и солнца. Равно как и я могу различить повсюду на фоне неба лишь нечеткие контуры вознесшихся на километр над землей зеркал.

Одна из стен нашей комнаты превращается в экран. Сев лицом к нему, я беру в руки нож и вилку и принимаюсь за яичницу.

14

— Согласно последним опросам, — возбужденно рассказывает репортер, смотря на меня со стены, — за повторным запуском «Архивариуса» сегодня в прямом эфире собираются наблюдать почти две трети населения планеты! По словам специалистов, для стороннего наблюдателя всё будет выглядеть следующим образом: аппарат, приблизившись к границе нашей Галактики...

— Любой спортивный канал, — обрываю я.

Как же они задолбали. Весь последний год только и разговоров, что об этом повторном запуске «Архивариуса».

И кстати, как она успеет вернуться из Рима к десяти? Американцы назначили старт на полдень по своему времени — в Москве уже будет восемь вечера. А Мирославе придется проторчать в обсерватории Общеввропейского Института Фи-

зики, если память мне не изменяет, по меньшей мере час. «В этот исторический момент», как она выражается. Надеется, что ли, успеть на прямой авиарейс?

Разделавшись с румынской глазуней и допив кофе под репортаж о 230-х летних Олимпийских играх — проходящих на этой неделе одновременно в двадцати городах планеты, — я закидываю грязную посуду в синтезатор, где ее немедленно постигает та же печальная участь, что и андроид Мирославы.

Из компактной платяной тумбы после нехитрого набора команд появляется моя одежда. Быстро облачившись в безупречно чистые и словно только что отутюженные джинсы и футболку, я завязываю шнурки на кроссовках.

Неужели и правда минуту назад всё это хранилось там внутри в спрессованном виде?

В прихожей, уже открыв дверь, я кое-что вспоминаю:

— Сложи постельное белье и стань диваном!

Отсюда мне не видно, но нет сомнений, что кровать услышала команду и, как обычно, бесшумно ее выполняет.

Взгляд на часы...

Боже мой! Шеф меня убьет. Я должен быть на работе уже через десять минут!

Заперев дверь молниеносным прикосновением правой руки, я бегу по коридору к лифту. Выбежав из подъезда, несусь сломя голову к остановке общественного транспорта.